

НАУМ БУХЫНДЕР.

ЛИСТИ О. О. КОТЛЯРЕВСЬКОГО ДО О. М. ПИПІНА.

Котляревський, О. О., був тісно зв'язаний з Україною, як своїм походженням, так і своєю діяльністю викладача в Київському Університеті. Він народився 1837 року в Крюкові, передмістю Кременчука, й учився в Полтавській гімназії. Отже молоді його роки, дитинство й хлоп'яцтво,—коли складається вдача й позначаються інтереси, проминули на Україні. Ця подія відбулася на Котляревському в сильнішій степені. Хоч пізніше він багато років жив далеко від рідної країни, а саме,—коли вчився в Московському університеті й викладав у Петербурзі й у Дерпті, але інтерес до української культури в ньому не згасав. До того його, так мовити, українські інтереси підтримувала й зміцнювала близькість та приятелювання з Костомаровим та Максимовичем. Костомаров притягнув Котляревського до співробітництва в „Основі“, в котрій той вмістив статтю: „Были-ли малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.“.

Тісніше зв'язався з Україною Котляревський коли в 70-х роках його було обрано на професора Київського університета.

Зі слів Пипіна, Котляревський „сохранилъ теплую привязанность къ родинѣ и малорусская этнографія была однимъ изъ самыхъ близкихъ ему предметовъ занятій“¹. Теж саме стверджує й Стороженко. „Пребываніе А. А. в Кіевѣ, на родномъ югѣ,—пише останній,—укрѣпило связи его съ роднымъ народомъ. Если А. Н. Веселовскій свидѣтельствуетъ, что в Котляревскомъ никогда не замирала искренняя любовь къ Украинѣ, то въ условіяхъ кіевской жизни любовь эта могла развиться полнѣе и шире. Она перестала быть только археологической и этнографической и сдѣлалась бы живою и дѣятельною, если бы не вѣщніе обстоятельства. Настроенія А. А. Котляревскаго вылились въ слѣдующихъ пожеланіяхъ, высказанныхъ имъ въ засѣданіи общества Нестора Лѣтописца, посвященныхъ Т. Гр. Шевченко: „да получить общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность родного намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія. Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы; только принявъ въ себя оплодотворяющіе, сильные здоровымъ содержаніемъ теченія областной жизни въ языкѣ и поэзіи, общерусская литература станеть способна обновляться и избѣжать грозящего ей преждевременнаго одряхлѣнія, а общерусскій литературный языкъ получить ту

¹ Собраніе сочиненій А. А. Котляревскаго, изд. Академіи Наук, т. IV, біографическій очеркъ жизни и дѣятельности А. А. Котляревскаго, составленный А. Н. Пыпинимъ, ст. LXII.

мужественную крѣпость и изобразительность, которую со дня на день болѣе и болѣе утрачиваетъ онъ въ теплицахъ столичной беллетристики и журналистики; только при свободѣ мѣстнаго поэтического творчества и народной рѣчи, при довѣрїи, уваженїи и поощренїи ихъ, возможенъ отпоръ тому грубому эгоистическому матеріализму, который различными оболъщенїями угапаетъ жизнь духа и все цѣнить и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету“. (Чтенїя въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, т. II, стр. 144)¹.

На початку 1876-го року Котляревскій почав свої лекції в київському університеті. Вони мали великий успіх. Ось що розповідає про його першу лекцію один з його учнів проф. І. Линниченко:

„Первая лекція Котляревскаго привлекла особенно значительное число слушателей. Со многими товарищами онъ успѣлъ ознакомиться и произвести впечатленіе своей оригинальной личностью. Многимъ были уже извѣстны перипетїи его прошлаго, товарищи по факультету успѣли уже оцѣнить его большіе свѣденїя, сильный и оригинальный умъ, особенности его рѣчи. Вступительная лекція К. возбуждала поэтому особенный интересъ... Умное выразительное лицо, ясный, громкий голосъ, свобода рѣчи и превосходная дикція, сразу привлекла къ лектору симпатїю слушателей. Лекцію свою Котляревскій посвятилъ общему обзору успѣховъ славяновѣденїя. Ничего особенно новаго, никакихъ общихъ взглядовъ на сущность своего предмета К. не предложилъ въ этой лекціи,—она носила скорѣе характеръ библиографической, въ томъ родѣ, въ какомъ онъ впоследствии напечаталъ свое обзорнїе изученїй древне-русской письменности. Но въ чтенїи его слышалась сила и знанїе—чувствовалось, что перечисленные имена научныхъ двигателей славяновѣденїя, названїя трудовъ, были для него не пустыми звуками—это были поминки хорошаго знакомаго, знавшаго à fond поминаемыхъ. Перед Котляревскимъ лежала тетрадка, но она его стѣсняла, онъ заглядывалъ въ нее только, кажется, чтобы не потерять нити изложенїя,—лекція носила скорѣе характеръ свободной бесѣды, продолжительнаго монолога въ отвѣтъ умолкнувшему собесѣднику; такимъ характеромъ свободного собесѣдованїя, стройнаго изложенїя, прерываемаго анекдотами, воспоминанїями, мѣткими словцами, полными юмора, порою не лишеными язвительности, яркими, въ двухъ-трехъ словахъ, характеристиками, отличались всѣ его лекціи. Благодаря такому способу чтенїя, даже такой сухой курсъ, какъ библиологическое обзорнїе древне-русской письменности, становился необыкновенно интереснымъ. Предъ слушателемъ проходили не книги съ ярлыками, а ихъ авторы со своими характерными обликами—Бодянской, Ундольскій, Снегиревъ, Погодинъ точно вставали живыми со своими оригинальными симпатїями и странностями. Котляревскій хорошо понималъ, что характерный анекдотъ часто рисуется человѣка лучше, чѣмъ обширная и обстоятельная біографїя и необыкновенно умѣло выбиралъ изъ запаса своей рѣдкой памяти, хранившей все пережитое, виденное, слышанное и читанное, цѣлый рядъ такихъ анекдотовъ. Первая лекція обеспечила ему полное вниманїе его слушателей“²).

Проте діяльність Котляревського, як викладача в київському університеті, тривала недовго. Вже 1880-го року хвороба, що з'явилася у нього ще під час недовгого ув'язнення в Петропавловській фортеці,

¹ Стороженко Н., А. А. Котляревскій. „Вѣстникъ Европы“. 1890, т. VII, с. 178.

² О. М. Пипін, *op. cit.*, с. СХХІV—СХХV.

загострилася. Він був змушений виїхати закордон лікуватися. Там, далеко від Росії, він і вмер 1881-го року.

Листи О. Котляревського до О. М. Пипіна, що це нижче подаються, є з 1867—1881 років. Між Котляревським і Пипіним існувала велика приязнь, через що Котляревський дуже охоче, вповні щиро, повідомляв Пипіна про свої плани, наміри, думки про наукову працю, а також про свої настрої й переживання. Через те його листи дають чимало цікавого. *)

1867.

И я поздно отвѣчаю на Вашу записку, дорогой Александръ Николаевичъ,—и виною тому моя забывчивость: затерялся гдѣ-то Вашъ адресъ, а вспомнить—не вспомню. На-дняхъ только одинъ изъ общихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ его—и я спѣшу исправиться.

Благодарю Васъ душевно и за добрую память—обо мнѣ и за Эрмія, зная Васъ—я считаю, что статья уже находится у меня; въ дѣло она пойдетъ съ 15 мая, между тѣмъ—получили-ли Вы 1-ый № Археологическаго Вѣстника¹, мною издаваемого? Если нѣтъ, то спросите Н. Н. Трапезникова: къ нему отправленъ Вашъ экземпляръ уже около 2-х недѣль; 2 № тоже оканчивается печатаньемъ, и Вы получите его (оттуда-же) около 5-го Мая...

Подивитесь Вы и покачаете головой, взглянувъ кѣими матеріями я тамъ занимаюсь, я и самъ не мало изумляюсь своему археологическому запою, а бываетъ болѣе—пока ничего: все же—согласитесь сами—лучше, чѣмъ упражняться въ Россійской наукѣ въ духѣ Вашего прія-теля Ламанскаго² и тому подобной честной братіи.

Журнал издаю я самъ—одинъ, на средства мною выдуманна, а потому и не передъ кѣмъ не состою в отвѣтѣ: Общество дало мнѣ именное право, да даетъ статьи, доставляемые въ него. Не оставьте, кормилецъ, Вашими щедротами, коли будетъ какая статейка, рецензія, или просто какая-нибудь малая замѣтка!

Преданный Вамъ душевно
А. Котляревскій.

1867.

Дорогой Александръ Николаевичъ!

Напрасны Ваши безпокойства о статьѣ: російскіе Шпекины интересуются занимательными письмами, а что для нихъ почтенный Эрмія и Бронтологія? Статью я получилъ—преблагополучно, душевно благодарю Васъ за нее, но исполнить Вашего желанія относительно помѣщенія во 2-ой книге „Вѣстника“—не могъ, потому что книга эта была уже вся набрана и почти отпечатана, т. е. оставалось отпечатать одинъ листъ мелочи, куда Ваша статья не шла. Отвожу ей теп-лое мѣсто въ 3-ей книгѣ, которая уже набирается и выйдетъ въ концѣ іюня м-ца. Сегодня вышла въ свѣтъ 2-я книга „Вѣстника“, Вы полу-

*) Друкуються за оригіналами, що зберігаються в Ленінградській Державній Публічній Бібліотеці.

¹ „Археологическій Вѣстникъ“ виходив у 1867—1868 р.р., за редакцією О. О. Котляревського.

² В. І. Ламанський (нар. 1883), професор СПб. університету, славист.

чите ее чрезъ почту за бандеролью. До свѣдѣнія Вашего спѣшу довести, что я немного безцеремонно распорядился Вашею особою, т. е. 10 Мая Вы единогласно были избраны въ дѣйствительные члены Московскаго Археологическаго Общества по 7 § Устава (т. е. безъ обязательства платить годовую повинность). Вы получите объ этомъ, яко подобаеть—оффиціальное извѣщеніе, а пока—простите, коли это избраніе Вамъ не по сердцу, мнѣ же просто совѣстно было бы не сдѣлать этого, такъ какъ ничѣмъ другимъ я не могъ поблагодарить Васъ за статью, причеиъ я имѣлъ въ виду и другое соображеніе: отселѣ Вы будете получать даромъ всѣ изданія Общества, даже и въ томъ случаѣ, когда я не стану болѣе принимать въ нихъ никакого участія.

По душѣ приходится мнѣ Ваша мысль о Сборникѣ, обѣими руками готовъ принять самое дѣятельное въ немъ участіе (матерьялу—у меня много, но приняться за него не могу ранѣе—Сентября: диссертация камнемъ лежитъ на мнѣ!), но думаю, что ему никакъ не слѣдуетъ имѣть лишь популярное значеніе: публика можетъ и должна обходиться пока безъ такихъ книгъ, а наука—не можетъ, и ей то, немногимъ книголюбцамъ—слѣдовало бы послужить, тѣмъ болѣе, что она и они такъ бѣдны здравомысліемъ... Когда мечтаю о проектируемомъ Сборникѣ, онъ представляется мнѣ книгою серьезною, необходимою для каждаго изслѣдователя русской старины, долголѣтною, однимъ словомъ—онъ долженъ быть сборникомъ занимательныхъ и важныхъ изслѣдованій по русской наукѣ, а не учебникомъ. Мнѣ такъ опостылела роль учителя, такъ кажется она—пока—неблагодарною и бесплодною, что я возненавидѣлъ всѣ популяризаціи. Когда пишу что-нибудь, то веду бесѣду не съ почтеннѣйшей публикой, а съ Вами, съ другимъ-третьимъ изъ занимающихся людей, съ ними хочу я дѣлиться я и мыслию и трудомъ, имъ хочу служить, какъ равнымъ образомъ—отъ нихъ хочу учиться... а публика—я равнодушенъ къ ней болѣе даже, чѣмъ къ прїѣзду „дорогихъ гостей“, какъ здѣсь говорятъ т. е. славянъ. Кстати—о нихъ. Жаль мнѣ ихъ отъ души: неужели проявленія россійской дури они примутъ за что нибудь серьезное и возложить на нее свои надежды! Что это такое въ самомъ дѣлѣ: откуда эта вакханалія славянскимъ пивомъ не по разуму, откуда вдругъ явилось такое количество славяно-любцевъ откуда это повальное преображеніе въ Ламанскихъ? Все это, конечно, дѣлается искренно, но ужъ черезъ чуръ глупо, а для славянъ—опасно: подуй иной вѣтеръ—и мы ихъ въ толчки... И это должно быть—повѣрьте мнѣ. Въ Москвѣ имъ готовятся такіе же кутежи съ такими же глупыми оваціями, какъ и у Васъ, или еще хуже, потому, что Москва имѣеть то высокое преимущество предъ Петербургомъ, что въ ней дураковъ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, за то всѣ они—отличнаго сорта, какихъ у Васъ нѣтъ, на выборъ—однимъ словомъ, и гораздо болѣе, чѣмъ Ваши экземпляры, страдаютъ хроническимъ умопомѣшательствомъ; а они то—коноводы славян. суматохи. Извините—за брань:—зло беретъ.

Простите пока, дорогой Александръ Николаевичъ, въ Сентябрѣ увидимся—надѣюсь,

дружески жму вашу руку Преданный Вамъ душевно

А. Котляревскій.

Paris 1-го марта, 1874.

Драгоценнѣйшій Александръ Николаевичъ—здравствуйте!

Въ прошедшемъ году я послалъ съ знакомымъ Вамъ книжицу Шевырева и Рубини: *Storia della letteratura russa*. Получили ли Вы ее?

Вотъ скоро два года, какъ я мыкаюсь по разнымъ палестинамъ Европы: лѣтомъ въ Прагъ, зимою въ Италиі, промыкаюсь—кажется—еще годъ, а потомъ—пора и честь знать... Не смотря на всѣ прелести сихъ странъ, тянетъ меня на Русь... Написалъ я книжицу „О юридическомъ бытѣ Славянъ балтійскихъ“; если удастся лѣтомъ напечатать въ Прагъ, то осенью явлюсь въ Петербургъ защищать ее на доктора и, конечно, сейчасъ же отведу душу сердечной бесѣдой съ Вами.

Самое важное занятіе заключается въ хожденіи на нечестивыя сонмища книжниковъ, т. е. на книжные аукционы, где иногда приходится добывать очень недурныя вещи, разумѣется изъ старья. Новымъ—какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ—Италіи похвалиться нечѣмъ. По исторіи народныхъ средневѣковыхъ суевѣрій я нашель здѣсь прекрасныя книги и малоизвѣстныя къ тому же въ нѣмецко-французской Европѣ. Хотѣлось бы какъ-нибудь употребить все это въ дѣло, но—какъ? Я даже не знаю, гдѣ буду обитать по возвращеніи изъ Европы: изъ Дерптскаго университета я вышелъ въ отставку и состою не у дѣлъ. Одно почти рѣшено у меня: издавать (три раза въ годъ) журналъ по славяно-русской старинѣ... Я распространяюсь объ этомъ затѣмъ, чтобъ припомнить Вамъ, дорогой Александръ Николаевичъ, Ваше обещаніе быть вкладчикомъ въ мое будущее предпріятіе.

Что у Васъ дѣлается хорошаго? Вотъ утѣшили бы, если бы дали вѣсточку о себѣ хоть двумя-тремя строками. Читалъ я что-то въ газетахъ о манифестѣ: отразился ли онъ на улучшение быта Николая Гавриловича¹?

Здѣсь живетъ Петровскій, Мемнонь (казанскій наслѣдникъ Григоровича)²—чистѣйшая душа и прекрасный человекъ, да не моего поля ягода: славянофилъ, хотя въ благороднѣйшемъ смыслѣ сего слова. Оттого, видясь каждый день, мы остаемся чужды другъ другу.

Не могу ли я чѣмъ быть полезенъ Вамъ, дорогой А. Н., не нужно ли какихъ свѣдѣній, книгъ etc... Съ 1-го Мая я посеяюсь на лѣто въ Прагъ и былъ бы сердечно радъ чѣмъ-нибудь услужить Вамъ. Если встрѣтится что—отпишите (адресуя на имя Пана Патеры) и—будьте увѣрены—что исполню. Простите, дружески жму Вашу руку и прошу Васъ вѣрить въ искреннѣйшую и неизмѣнную мою преданность и уваженіе къ Вамъ,

Вашъ А. Котляревскій.

Roma Piazza Barberini, № 95, I piano.

1875.

Дорогой Александръ Николаевичъ, прошу Васъ дружески провести у меня вечеръ завтра (въ Субботу). Приходите, утѣшьте. Изъ людей, которыхъ Вы не желали бы видѣть, не будетъ никого. Будетъ только Костомаровъ³ и Кожанчиковъ⁴.

Простите, дорогой мой
Вашъ А. Котляревскій.

¹ М. Г. Чернышевскій (1828—1889), публицист.

² В. І. Григорович (1815—1875), славист, проф. Казанскаго, Московскаго і Новорос. унів.

³ М. І. Костомаров (1817—1883), проф. СПб. университету, историк.

⁴ Д. С. Кожанчиков (вмер 1877 р.), СПб. книгарь і видавецъ.

1875.

Дорогой Александръ Николаевичъ!

Прошу Васъ дружески примите моего друга (и друга М. Я. Свириденко) Алексѣя Алексѣев. Козлова¹, какъ подобаеть добрымъ знакомымъ и друзьямъ.

Вашъ А. Котляревскій.

Києвъ, 14 Апр. 1876.

Дорогой Александръ Николаевичъ—здравствуйте!

Гнѣвааетесь Вы, конечно, на меня—за мѣшкотность въ доставленіи „Slovníka naučného“, но если бы Вы знали мои мытарства съ квартирами и книгами, то, несомнѣнно—предложили гнѣвъ на милость. Повѣрите—досель не устроился, а въ юнѣ нужно снова разстроиваться, т. е. мѣнять квартиру... Вчера, однако, я отправилъ Вамъ 5 томовъ Словника и приложилъ къ нему 4 книги для А. Н. Веселовского (передайте,—будьте так добры). Цѣну Словнику узнаете изъ „прилагаемой“ вырѣзки изъ чешскаго каталога: русскій рубль во время покупки мною книгъ стоялъ 1 гульд. 53 крейцера.

Денегъ мнѣ высылать—не трудитесь... А вотъ объ чемъ попрошу Васъ: распорядитесь въ конторѣ „Древней и Новой Россіи“, чтобы мнѣ выслали (въ Университетъ) прошлый годъ въ англійскомъ свѣтло-зеленомъ переплетѣ и годъ текущій выслали бы. Это составитъ почти ровнехонько стоимость „Slovníka“, Račtė, roztomily přáteli; odpustiti, že tím vas obtěžuji, ale jinak to ne da se udělati.

Лекціи въ этомъ семестрѣ читалъ я преподаю, потому что читалъ безъ книгъ, которыя привелъ въ порядокъ лишь предъ самымъ заключеніемъ курса. Надѣюсь поправиться въ будущемъ семестрѣ. Лѣтомъ прийму за исполненіе давнишней мечты написать „исторію изученія исторіи древне-русской литературы“ z chronologickú—bibliografického standpunkta čili ohledu. Думаю, что можетъ выйти полезная справочная книга.

Вотъ еще что, дорогой Александръ Николаевичъ. Въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Васъ, Вы дали мнѣ оттиски Вашей 1-ой статьи объ изученіи древне-русской литературы. Статья мнѣ полюбилась и я жажду „продолженія“. Пришлите мнѣ, если есть у Васъ—подъ бандеролью. Утѣшите. Да увѣдомьте о Вашемъ точномъ адресѣ: благодаря незнаю его, я принужденъ былъ отправить книги въ Редакцію Вѣстника Европы, хотя и на Ваше имя.

Сдѣшній историко-филологическій факультетъ раздѣляется на 3 категоріи: а) старцевъ обоего пола, б) юношей, подающихъ надежды и в) немногихъ рабочихъ людей. Слабый факультетъ, и—что хуже всего—нѣтъ близкой надежды на обновленіе.

Найдете свободную минутку—напишите о себѣ. Что Костомаровъ и Скимень—звѣрь (Ефремов)².

Простите, дружески жму Вашу десницу

Вашъ Котляревскій.

¹ Ол. Ол. Козлов (1831—1900), профессоръ Киѣв. универс. в 1876—1888 р.р., філософ.

² П. Ефремов (1830—1907), бібліографъ.

12 декабря.

Искренно уважаемый, дорогой Александръ Николаевичъ.—Здравствуйте!

Съ нѣкотораго времени—я всѣмъ порядочнымъ людямъ „желаю здравія“ съ полнымъ уваженіемъ къ этому слову, ибо самъ утратилъ оное, кажется—безвозвратно: прошлую зиму отъ воспаленія дыхательныхъ органовъ чуть-чуть не погибъ, а теперь вкушаю послѣдствія сего: одышку, слабость и растройство организма. Въ такомъ положеніи, естественно—погружаюсь въ самую злокачественную хандру, огорчая по временамъ существованіе и себѣ и другимъ... Впрочемъ, что же это я—пишу къ Вамъ свой скорбный листъ... Довольно—сказать, что даже старая неизмѣнная любовница моя нарицаемая „Библиофілія“ — представляется мнѣ „шлюхою“... Но—только по временамъ. А потомъ все-таки идешь к ней и кормишься не безъ пріятства съ сиською... Такъ и теперь: въ сентябрѣ студенты пришли ко мнѣ и просили прочесть курсъ древне-русской литературы, потому что официальный „сихъ дѣлъ мастеръ“—оказывается импотентомъ. Въмѣсто курса историческаго я читаю имъ исторію обработки и исторіи древне-русской словесности... Дѣло идетъ, и я сижу по уши во всякаго рода цитатахъ, книгахъ, разсмотрѣннй западнаго и восточнаго направленія въ сей наукѣ и т. д.

Пишу все весьма акуратно и твердо положилъ издать сіи лекціи, разумѣется, въ приличной и опрятной библиографической одеждѣ. А посему къ Вамъ просьба: года два тому назадъ Вы прислали мнѣ три Ваши статьи:

- а) о сравнительно историч. изуч. рус. лит.
- б) Древній періодъ р. лит. I. Племя и нар[одь].
- в) Древній періодъ р. лит. II. Византія.

Да симъ и прекратили Вашу доброту. Прошу о продолженіи ея до конца. Въ особенности нужна мнѣ I-ая статья „Среднихъ вѣковъ рус. лит.“, помѣщ. въ Ноябрь 1876, стр. 303 и д. Я нигдѣ не могу отыскать ее здѣсь. Вотъ Палестина-то. Взамѣнъ сего пришлю Вамъ III томъ сочиненій Максимовича, содержащій труды его по лингвистикѣ и исторіи рус. словесности: онъ печатается теперь подъ моей, какъ у Васъ говорятъ—Редакціей,—равнымъ образомъ пришлю Вамъ во всякомъ случаѣ любопытныя историко-литературныя упражненія Хруща надъ лѣтописными сказаніями. Онъ думаетъ пустить сей трудъ, какъ докторск. диссер.

Да напишите что-нибудь о себѣ—въ добрую минутку—право!..

Если не подохну въ скоромъ времени, то самою собою разумѣется—отпечатаю Вамъ моей „библиологической исторіи древней русской письменности“ экземпляръ in 4° на чудовищной бумагѣ, съ чудовищными полями, словомъ—совсѣмъ неудобный для употребленія... Библиографическому старостѣ Ефремову—будетъ такой же. Кстати—передайте мой поклонъ сему мужу, коли онъ не злится... А когда онъ не злится?! Прочелъ длиннѣйшую статью Тихонравова¹: разборъ ист. лит. Галахова. „Шава шьель“ сего старца: просто даже

¹ Тихонравовъ М. С. (1832—1893), проф. Москов. Унив., историкъ російської літератури—Котляревський має на увазі статтю Тихонравова з приводу книги Галахова „Історія руської словесности, древней и новой“; цю статтю було вміщено в „Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи Уваровскихъ премій“ (25 вересня 1876 р.), Спб. 1878, с. 13—136. Передрукована в „Собраніи сочиненій Тихонравова“, т. I, 1898, під новик заголовкомъ—„Задачи исторіи літератури и методы ея изученія“.

совѣстно было читать. (Въ Уваровскомъ Отчетѣ помѣщена) Простите.
Искренно Вамъ преданный

Вашъ А. Котляревскій.

На углу Шулявской и Кузнечной, домъ Горловой.

1881 [Помітка О. М. Пипіна].

Дорогой и сердечно уважаемый
Александръ Николаевичъ!

На дняхъ буду имѣть удовольствіе доставить Вамъ два новыхъ плода моего „Кіевскаго уединенія“, а теперь распространяюсь о дѣлѣ. Вамъ, конечно, не менѣ моего извѣстны литературные опыты и усилія Задерацкаго¹ по славянству. Лѣтомъ этого года онъ скончался, оставивъ совсѣмъ лишенную всякихъ средствъ къ бытію старуху—мать. Полагая, что труды сего покойнаго юноши, труды неутомимые и очень полезные дадутъ право его бѣдствующей матери на нѣкоторое вниманіе со стороны „Общества пособія нуждающимся литераторамъ“, позволяю себѣ просить Васъ принять участіе въ семъ дѣлѣ. Честно положа руку на сердце говорю, дѣло сіе такое, что не уважить его было бы вопіющею несправедливостью. Кто знаетъ, что въ Кіевѣ значитъ заниматься науками и литературою въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ Задерацкій, т. е. съ самоотверженнѣйшимъ безкорыстіемъ и всякаго рода лишеніями, тотъ только правильно пойметъ и оцѣнитъ его усилія, впрочемъ и безъ сего достойныя всякой хвалы и очень полезныя.

Пріймите, если можно—дружественное участіе въ семъ дѣлѣ, или извѣстите меня, какъ сдѣлать...

Подательница сего письма—очень образованная дѣвица Подвысоцкая, стремящаяся неослабно впередъ къ „медицинскому неизвѣстному“ на медицинскихъ курсахъ в Спб. Дѣвица—весьма достойная! Она хорошо знаетъ положеніе старухи Задерацкой и можетъ дополнить мои слова фактическими данными. Удѣливъ ей несколько минутъ Вашего вниманія, Вы прибавите новую гиричку къ вѣсу уваженія къ Вамъ—впрочемъ и безъ того уважающаго Васъ глубоко и искренно
Вашего Котляревскаго.

Кіевъ, 10 янв.

1881 [Помітка О. М. Пипіна].

Отмѣнно мною почитаемый, дорогой
Александръ Николаевичъ!

Вчера отправилъ къ Вамъ двѣ посылки—подъ заказною бандеролью, но отправилъ по адресу книжнаго магазина Стасюлевича.

Представляю Вамъ плоды своего библиографически-историческаго рукоблудія² (въ продажу не пущены, напечатаны въ числѣ 66 экз., Вашъ экземпляръ—рѣдкостный ибо на велинѣ, одинъ изъ 33) и первое славянское упражненіе своего юнца Стороженко³. Мои плоды да встрѣтятся отъ Васъ всякаго рода замѣчанія, указанія на пропу-

¹ Задерацкій М. П. (1845—1880), славистъ, в 1876—1878 р.р. издавалъ „Славянскіе ежегодники“.

² „Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія“. Воронежъ 1881.

³ Стороженко М. І. (1836—1906), профессор Москов. Університета.

ски, на недостатки и т. д. (в печати); а труде-ж Стороженка—да пошрится Вами...

Теперь хочу печатать вторую часть сего „Введенія“, т. е. „исторію изученія русской народной поэзіи“. А тамъ, если хватитъ силъ—и далѣе... Написано около половины сего труда.

„Если хватитъ силъ“—пишу—и самъ надъ собою смѣюсь: легкія плохо дѣйствуютъ, ходить не могу, застоилась кровь и фистулой изуродовало несчастное мое сидѣніе; а еще пишу: „если хватитъ силъ“...

Истинно справедливое и хорошее дѣло сдѣлаете, коли окажете заступничество в литер. фондъ за старуху Задерацкую. Мнѣ она—не сватья, ни родня: я едва знаю ее, но глубокую нужду ее знаю, знаю и то, что она не захотѣла слѣдовать совѣту друзей—продать славянскую бібліотеку своего сына въ университетъ, а, согласно съ его волей—подарила ее въ бібліотеку университета; знаю, но и это и Вамъ хорошо извѣстно, что Задерацкій имѣетъ нѣкоторое право на вниманіе со стороны пособляющихъ нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Если когда найдете на Васъ добрая минутка и Вы захотите обрадовать мою малость нѣсколькими строками, напишите мнѣ—гдѣ будете лѣтомъ; б. м. я буду въ Петербургѣ и, конечно, не желалъ бы не повидаться съ Вами.

А за симъ, простите—пока, дорогой мой

Вашъ какъ всегда А. Котляревскій.

1881 15 февруарія.

1881 [Помітка О. М. Пипіна].

Нарочито уважаемый, Александръ Николаевичъ—здравствуйте!..

Дня чрезъ три—четыре отправляю Вамъ (подъ заказною бандеролью) увѣсистый III т. сочиненій Максимовича, изданный мною на счетъ Кіев. университета и обнимающій російское языкознаніе, исторію словесности, слово о П. И. и всякую старопечатщину.

А въ Ноябрьрѣ пришлю издание (въ числѣ 66 экз.) I т. (вступительный) моей „Библіологіи древней русской словесности“ и I томъ „Библіологіи русской народной поэзіи“... Послѣдняя украшена и нѣкими „полемическими красотами“ противъ готовящейся канонизаціи и открытія мощей преподобныхъ отецъ Алексія, Іоанна, Константина и Юрія въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ праведно подвизавшихся¹, т. е. Хомякова¹, Кирѣвскаго², Аксакова I-го³ и Самарина⁴. Знаете, моченьки не стало отъ дурачества, производимыхъ и ихъ „памятью“ и „ученіями“...

Быль лѣтомъ въ Полтавѣ, гдѣ „племянникъ“ (сынъ) Бодянскаго отдалъ мнѣ дневникъ покойника съ 1853—1857, разумѣется писанный не изо дня въ день, а какъ „богъ на душу положить“. Всего будетъ листовъ 6—7 печатныхъ. Есть много—очень интереснаго, есть и неважное; но первенствуетъ война и ее интересы. Хочу—diis iuvantibus, снабдивъ, примѣчаніями напечатать...

Что подѣлываете? Какъ живете? Вопросы не пустые на моемъ языкѣ, ибо я живу такъ паскудно, что и вообразить невозможно:

¹ Хомяков О. С. (1804—1860), публицист-славянофил, поет.

² Кіревські І. В. (1806—1860) і П. В. (1808—1856), славянофіли-публицисти.

³ Аксакови К. С. (1817—1860) і І. С. (1823—1886), славянофіли-публицисти.

⁴ Самарин Ю. Ф. (1819—1876), публицист-славянофил, громадський діяч.

ноги отказываются ходить, легкіе отказываются дѣйствовать... Погано.

Что П т. Ист. Слав. литер., когда наконецъ?.. Вопрошаютъ меня о семь студенты, для коихъ сія книга служить учебникомъ (разумѣется за вычетомъ „беллетристики“ Спасовича)¹ для приготовленія на экзамень...

Вотъ что, дорогой А. Н.: просьба! На дняхъ читаю въ „Россійской библиографіи“ нижеслѣдующій № „Пыпинъ, А. Н.: Старообрядческій Синодикъ. СПб. 1880, 18 стр.“.

Почудихся и возревновахъ добыть сію книжицу. Помогите мнѣ въ этомъ. Да нѣтъ ли еще и²... оттисковъ: Вы давно забыли меня.

Просьба № 2: не знаете ли Вы точнаго адреса Александра Николаевича Пыпина. Знаете,—сообщите; а к сему пристегните гдѣ обитаетъ рогатый звѣрь П. А. Ефремовымъ нарицаемый. Давно также разнакомился со мною: въ библиографическіе боги съль, возгордился и превознесся...

Засимъ, пріймите отъ меня, всегда того же—дружественнѣйшіе привѣты

Вашъ А. Котляревскій.

К. Уголь Кузнечной и Шулявской, домъ Горловой.

1881 [Помітка О. М. Пипіна].

Дорогой и отмѣнно почитаемый,
Александръ Николаевичъ!

Есть страна въ нѣмцѣхъ, Баварію нарицаемая; въ сей Баваріи есть гнѣздо Рейхенгель—рекомое. Оттуда пишу къ Вашеству. Съ третьей недѣли страстные седмицы напала на меня Тресавица, дщерь Ирода царя, Гнетѣй зовомая и только теперь, не стерпѣвъ хиннаго дѣйствія и благорастворенія воздуха, начинаетъ мало по малу бросать меня. Хотя взамѣнъ маляріи Рейхенгаль наградила меня частыми и грозными горло-кровеизліяніями (слово не вошедшее въ Толковый словарь безтолковаго Даля³ потому, что онъ не читалъ произведеній покойн. Шапова)⁴. Тяжко, на душѣ мрачно; но все же лучше, чѣмъ прежде, когда дѣвица Гнетѣя сосала меня.

Да и не узнали бы меня, когда увидѣли бы: и старь и сѣдъ, только—что не лысь...

А между тѣмъ, подобно шелковичному червю, который до самой кончины тянетъ свою нитку, тяну сколько силъ хватаетъ—и я ее, подписываю всю 1 часть своей Энциклопедіи Славяновѣднія (лекціи студентамъ), имѣющую обнять „Обозрѣніе предмета, метода и литературы наукъ вспомогательныхъ“. Не знаю—удастся ли кончить, а не кончу,—сынъ окончитъ⁵, который теперь поступаетъ въ Московскій университетъ (въ Кіевскій нельзя: достаточно, что тамъ профессорствуетъ такой соплякъ—поплякъ какъ Mr. de Loutshisky⁶, чтобы бѣжать оттуда безъ оглядки) и, разумѣется—будетъ филологомъ. Имѣю намѣреніе, если не отправлюсь ad patres—пробыть за границей цѣлый годъ. А не захочетъ мое „начальство“ мою просьбу уважить—

¹ Спасович В. Д. (1829—1906), юрист і публіцист.

² Нерозбірливе слово.

³ Даль В. І. (1801—1872), етнограф, письменник і лексикограф.

⁴ Шапов А. П. (1830—1876), історик, професор Казанської Духовної Академії.

⁵ Н. О. Котляревскій (1863—1925), академик, історик всевітньої літератури.

⁶ Лучицький І. В. (нар. 1845), професор Київськ. Університета, історик.

уйду въ отставку въ чистую... „Состояніе не у дѣль“—улыбається мнѣ, ибо какія дѣла, какія дѣла дѣлаются... у насъ. теперь... Боже мой, коли-бъ Вы знали, что такое наши Университеты теперь. Расскажу Вамъ наинновѣйшій фактъ, случившійся почти что со мною. Предложилъ я въ доценты по исторіи русскаго языка извѣстнаго Вамъ Житецкаго. Возражали, но не противъ научной умѣстности, годности, достоинствъ и т. д. Житецкаго, а противъ чего-то иного, очень ясно сквозившаго изъ-за шумныхъ словъ, но прямо не высказываемаго никѣмъ, кромѣ Ренненкампа¹. Этого съ откровенностью и наглостью банкирскаго вора объявилъ, что онъ считаетъ Житецкаго политически вреднымъ человекомъ, въ особенности для южной Руси, а потому войдетъ о семъ съ особымъ мнѣніемъ. Тщѣтно я возражалъ, что сіе „особое мнѣніе“ относится и принадлежитъ къ совсѣмъ иному учрежденію, чѣмъ Совѣтъ Университета, — по лицамъ я видѣлъ, что симъ довольны многіе и очень многіе...

Что Вы, дорогой Александръ Николаевичъ, что Ваша „русская часть“ исторіи славянскихъ литературъ? Жалѣю очень, что не могу поспѣть съ своею „Библиологією“. Готовы: исторія народнои поэзіи, священное писаніе, книги богослужебныя, писанія греческихъ и славянскихъ отцовъ церкви, Палеи и Апокрифы, хронографы. Остальное—матерьялы. Но и готовое застряло за моей болѣзнью.

Что это я, впрочемъ, занимаю Васъ все своей особою... Простите, по старому знакомству... Теперь—вопросъ или просьба: Вы писали мнѣ, что Общество пособія литераторамъ—не разорится, прибавивъ нѣсколько рублей въ годъ старухѣ Задерацкой. Нельзя ли сдѣлать сіе и прибавить ей рублей 40 въ годъ, чтобъ выходило 20 въ м-ць, тѣмъ болѣе, что здѣсь—дѣйствительная нужда, да и пособлять то придется не долго... Мнѣ ли написать куда, или Вы сами можете сказать гдѣ слѣдуетъ; только какъ бы устроить это. Да кстати—какъ и куда дать знать, что за моимъ отсутствіемъ изъ Кіева деньги пенсіонныя старухѣ могутъ быть высылаемы на имя Ригельмана, председателя Славянскаго Общества въ Кіевѣ или на имя Онисима Ивановича Пясецкаго, директора 2-ой гимназіи.

Простите, дорогой Ал. Ник!.. Отъ души желаю увидѣться еще съ Вами, а не увидимся, то ни я въ тогодочной, ни Вы въ сегодочной жизни не помянемъ другъ друга лихою.

Вашъ А. Котляревскій.

Bauern Reichenhall
Maximillianis Bad.

1 Aug. бусурм. стилия.

Reichenhall 19 August 1881

еретич. счисленія.

Многоцѣнный, дорогой Александръ Николаевичъ!

Излишне было съ Вашей стороны и спрашивать, желаю ли я познакомиться съ Вашей работой: не токмо желаю, но жажду; тѣмъ болѣе, что предметъ-то мнѣ нѣсколько близокъ, да и томлюсь духовной жаждою вообще. Только съ высылкой (подъ бандеролью конечно) повремените, ибо чрезъ нѣсколько дней начинаю кочевую жизнь на югѣ, и гдѣ остановлюсь на зимнюю стоянку,—еще не знаю...

¹ Ренненкампа М. К. (1836—1911), ректор і професор Кіів. Університета, правник. Один час був міським головою м. Кііва.

Судя по заглавію, прочтенному мною въ объявленіи о 8 кн. Вѣстн. Евр. (в Journal de Spb.)—предметъ Вашей работы тотъ же, что и одной главы въ моей книгѣ, главы написанной, но не пущенной въ свѣтъ (попш prematur in annum!), т. е. отдѣла объ изученіи русской народной поэзіи. Разумѣется, я налегъ болѣе на библиографическую сторону предмета и общій ходъ изученія рус(ской) народной поэзіи представилъ лишь въ видѣ очерка, листа в 1½, 2 печатныхъ. У Васъ все дѣло, конечно—въ обстоятельности изложенія содержания. Искренно, отъ души радъ Вашему труду, заранѣе увѣренный, что найду въ немъ и для своего труда (если только за немощами или прекращеніемъ бытія—не оставлю его непечатной сироткой) много полезного. Здравіе мое поправляется туго: правда—молитвами къ Сисинію патриарху прогналъ я нечестивую Гнетѣю, но для изгнанія удущья—особаго святаго не полагается; да и эскулапы глаголють, что отъ сего добра я николи же избавлень буду.

Невзрачная перспектива!..

Вернулся бы на Русь; да боюсь попасть въ герои или жертвы „Смутнаго Времени“. Нѣтъ никакой охоты приниматься за устройство хотя бы своей частной жизни, когда нѣтъ вѣры (и откуда ей быть!) въ прочность и права сей жизни.

Въ часы, свободные отъ перхоты, кашля и всякихъ другихъ прелестей, читаю прелесную книгу: W. Grimm's: Kleinere Schriften. Для исторіи изученія народной поэзіи—сущій кладъ, многое свѣжо и доселѣ.

Въ дѣлѣ Задерацкой—поступлю по Вашимъ указаніямъ.

Простите, дорогой Александръ Н-чъ,
не забывайте Вашего А. Котляревск(аго).

Пиза, 81, X, 8.

Вотъ теперь попрошу я Васъ, нарочито и неизбежно мною уважаемый Александръ Николаевичъ,—о присылкѣ Вашихъ статей!..

Въ Пизѣ, коли ничего особаго не случится—думаю провести зиму...

Послѣдній разъ писалъ я къ Вамъ изъ Рейхенгалля; вскорѣ затѣмъ пустился—я на долгихъ—въ странствіе на югъ: въ каждомъ мѣстѣ, при каждой обстанокѣ приносилъ обильнѣйшія жертвы вавилонской блудницѣ, дочери Ирода-царя, трясавицѣ—Гнетеѣ; такъ, что пока добрался до Пизы, отъ меня осталось только тѣнь моя. Что будетъ далѣе—не вѣдаю. Съ эскулапами рѣшилъ прекратить всякія сношенія, ибо они такіе же промышленные мошенники, какъ и попы. Различіе—только въ названіяхъ ихъ промышленныхъ банковъ и въ солидности фирмъ: у однихъ непрочный „банкъ тѣлеснаго здоровья“, у другихъ—старый солидный торговый домъ Иисуса и Ко.

Что дѣлается въ любезномъ отечествѣ—совершенно мнѣ неизвѣстно; мимоходомъ гдѣ-то читалъ, что Армянинъ „лобзавшій“ нѣкогда сію „невинную дѣву“ снова призывается къ этой работѣ¹. Въ добрый часъ! Рассказывали мнѣ, что года два тому назадъ въ Тифлисѣ судили Армянъ за скотоложество².

¹ Графъ Лорис-Меліков, міністръ внутрішнихъ справ, голова „Верховно-Распорядительной Комиссіи“ початку 1880-хъ років.

² Пропущено кѣлька рядків.

... Если когда-нибудь прійдетъ Вамъ охота написать мнѣ пару словъ, напишите, что есть и что обѣщаетъ быть „Заграничный Коршевскій Вѣстникъ“. Хотѣлось бы, если силъ хватить, помочь прежнему другу, во всякомъ случаѣ честнѣйшему изъ россійскихъ журналистовъ...

А пока — простите, дорогой Александръ Николаевичъ. Сегодня цѣлый день лежу: лихорадка, хининъ и широко сокрушаютъ мою брѣнную плоть.

Душевно преданный

Вашъ А. Котляревскій.

Адресъ въ Пизу такъ:

Piazza St-o Niccolò, № 11 al I piano.
